

ВЛИЯНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируется влияние римско-католического духовенства на формирование национального самосознания населения белорусских земель в конце XIX – начале XX столетий. Одной из основных задач политики Петербурга на белорусских землях было укрепление позиций православия и ослабление влияния римско-католицизма. Достижению поставленной задачи должен был способствовать ряд мероприятий: осуществление наблюдения со стороны государственных органов власти за деятельностью костёлов; введение русского языка в систему образования, а белорусского языка – в дополнительное римско-католическое богослужение. Проанализировав сложившуюся в данной сфере ситуацию и учитывая то обстоятельство, что большинство римско-католических священников в конце XIX – начале XX веков считало себя поляками, а в сознании населения, исповедующего римско-католицизм, польский язык воспринимался как неотъемлемая часть принадлежности к костёлу и польскому народу в силу чего любые действия, направленные на дезинтеграцию данного единства, вызывали со стороны как верующих, так и духовенства самое активное противодействие, власти, опасаясь в условиях социальных потрясений 1905–1907 гг. нарушить сложившееся *status quo* и тем самым ещё больше обострить внутривластную обстановку в крае, сочли за лучшее не менять уже сложившиеся взаимоотношения с костёлом, при сохранении за ним тщательного контроля.

Ключевые слова: население белорусских земель; Российская империя; губернатор; римско-католический костёл, римско-католическое духовенство; польский язык; национальное самосознание.

The article analyzes the influence of the Roman Catholic clergy on the formation of the national self-awareness of the population of the Belarusian lands at the end of the XIXth and the beginning of the XXth centuries. One of the main tasks of St. Petersburg's policy in the Belarusian lands was to strengthen the position of Orthodoxy and weaken the influence of Roman Catholicism. The achievement of this goal was to be promoted by a number of measures: observation by the state authorities of the activities of the church; introduction of the Russian language into the education system, and the Belarusian language into an additional Roman Catholic worship. Analyzing the situation in this sphere and considering the fact that the majority of the Roman Catholic priests in the late XIXth and early XXth centuries considered themselves to be Poles, and in the minds of the population confessing Roman Catholicism, the Polish language was perceived as an integral part of belonging to the church and the Polish people. Due to that any action aimed at the disintegration of this unity caused the most active opposition on the part of both the believers and the clergy. The authorities, fearing in the conditions of social shock 1905–1907 to upset the existing *status quo* and thereby further exacerbate the internal political situation in the province, deemed better not to change the established relationship with the church, while maintaining close control over it.

Keywords: population of the Belarusian land; the Russian Empire; the Governor; the Roman Catholic Church, the Roman Catholic clergy; the Polish language; national identity.

Согласно данным переписи 1897 г., на белорусских землях проживало 1947795 католиков [17, с. 252–253], что составляло

около 23% от общего количества населения. Большинство населения, исповедующего католицизм, было сосредоточено в северо-западных и западных уездах Виленской, Гродненской и Минской губерний.

В конце XIX – начале XX в. белорусские земли входили в состав Могилёвской римско-католической архиепископии. Костёлы, располагавшиеся в губерниях Могилёвской, Минской и Витебской, принадлежали непосредственно ведомству Могилёвской архиепархии, а костёлы Виленской и Гродненской губерний – Виленского епископата.

Управление официально признанными конфессиями, в том числе и римско-католицизмом, находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ведении Департамента находились римско-католическая Духовная коллегия, которой подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения.

Римско-католическая церковь обладала правом публично-го отправления богослужения. Она наделялась статусом юридического лица и имела право на владение собственностью. Ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости. Имущество римско-католических церквей и монастырей охранялось законом. Духовенство освобождалось от воинской повинности и телесных наказаний, получало содержание от казны и процентов особого капитала, находившегося в ведении министра внутренних дел. За усердное служение оно награждалось орденами и наперсными крестами. Римско-католическое духовенство могло вести акты гражданского состояния, имело дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам, духовную цензуру [18, с. 4–5, 7, 12–15].

Суть отношений российских властей к римско-католической церкви сформулировал в своём письме от 21 сентября 1899 г. к Николаю II обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев: «...отношение Русского государства к римскому католицизму совсем особое, потому что масса католиков у нас поляки и потому ещё, что в Литве масса русского народа представляет предмет исторического спора между Россией и Польшей...» [5, л. 55об.].

Католическая религия в правящих кругах Российской империи рассматривалась сквозь призму польского вопроса. На это указывают инициативы правительства по распоряжению костёла и в самой позиции части римско-католического духовенства. Так, мозырский уездный исправник в своём рапорте сообщал минскому губернатору сведения о ксендзе Грабовском, мечтающем «о возможности возрождения Польского Царства» [10, л. 12–12об.].

Большинство ксендзов считали себя поляками. Так, в Гродненской губернии по переписи 1897 г. родным языком польский признали 170 католических священников, белорусский же – 38 [19, с. 60]. Последнее также может свидетельствовать о росте национального самосознания среди католического духовенства, но всё же среди католического клира в то время преобладали пропольские настроения, которые они стремились распространить на верующих. К примеру, ксендз Одельского костёла Гродненской губернии Эйнарт убеждал крестьян в их польском происхождении [20, с. 112]. В 1906 г. некоторые ксендзы в Сокольском уезде требовали от прихожан писать заявления о присоединении к будущей автономной Польше [10, л. 2].

Католическое духовенство в своей религиозной практике активно пользовалось польским языком [13, л. 28, 34, 39, 40, 43]. Русский язык употреблялся неохотно [16, л. 1, 6–6об., 8–8об., 9–9об.].

В начале 1906 г. некоторые римско-католические епископы обратились в Министерство внутренних дел с ходатайством о «допущении польского языка в официальную переписку» епархиального начальства «между собой и подведомственным духовенством», а также в «сношения ксендзов с паствой». Однако в министерстве не признали возможным изменить существовавший с 1840 г. порядок общения «римско-католического духовенства между собой и населением». Епископы разрешения на использование польского языка не получили [10, л. 3–3об., 4–4об., 5, 6].

Одним из главных направлений деятельности римско-католического духовенства, значительно активизировавшейся после указа 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий, была система образования. Именно в этой сфере священни-

ки стремились добиться максимальных уступок со стороны правительства, охватив своим влиянием как можно большее число учащихся. Виленский епископ Э. Ропп 22 апреля 1905 г. издал распоряжение, предписывавшее молитвы, катехизис, священную историю и историю костёла учащимся «преподавать на том языке, на котором дети молились дома, то есть на польском и литовском». Детям, разговаривавшим по-белорусски, епископ разрешил «в начальных классах преподавать религию по-белорусски». Молиться же они должны были по-польски [19, с. 73].

25 августа 1905 г. управляющий Могилёвской римско-католической архиепархией прелат С. Денисевич «обратился во все учебные заведения Могилёвской архиепархии» с посланием, в котором предлагал: «...при выполнении 14-го пункта указа от 17 апреля 1905 г., разрешавшем ученикам-католикам во всех учебных заведениях изучать Закон Божий на своём природном языке», исходить из того, что «природным языком учеников при преподавании Закона Божьего считается тот язык, на котором они читают свои ежедневные молитвы...». Для католиков-белорусов таким языком был польский [6, с. 116–117].

В октябре 1905 г. Виленский епископ Э. Ропп предписал священникам основывать тайные школы с польским языком обучения [2, с. 71]. Одновременно ксендзы призывали прихожан игнорировать правительственные школы до тех пор, пока в них не будет введён польский язык [3, л. 10–10об.–11, 15, 16]. Агитация ксендзов имела определённые результаты. Так, Гродненский епархиальный училищный совет 6 мая 1906 г. уведомлял губернатора о снижении численности учеников-католиков в церковно-приходских школах губернии с 1700 человек в 1902–1903 учебном году до 90 в 1905–1906 учебном году [11, л. 178об.].

Под влиянием революционных событий и массового развития тайного обучения 22 апреля 1906 г. Николай II разрешил преподавать польский язык в пограничных с Польшей землях Гродненщины, а 24 августа 1906 г. Советом министров было отменено действие закона от 3 апреля 1892 г. о наказании за тайное обучение. Но этому решению надлежало ещё пройти через Государственную думу и Государственный совет [21, с. 163].

Таким образом, «...ростки польскости оказались живучими среди католического населения Беларуси. Польский язык вновь начал отвоёвывать своё былое положение в учебных заведениях. Не помогли и временные правила от 22 февраля 1906 г., согласно которым обучение закону божьему инославных вероисповеданий должно было осуществляться на родном языке учащихся, определявшемся письменным заявлением родителей. В учебные заведения посыпались письма от белорусов с просьбой преподавать их детям закон божий по-польски...» [6, с. 117].

В целях борьбы с польским влиянием российское правительство предпринимало попытки введения русского языка в дополнительное католическое богослужение. Данная мера должна была привести к вытеснению из костёла польского языка. По мнению князя Друцкого-Любецкого, успех замены польского языка русским находился в зависимости «от соглашения правительства с представителями католического духовенства», многие из которых в силу своих политических убеждений «будут этому противодействовать». Для нейтрализации влияния таких священников следовало постепенно заменять их лицами, «готовыми откликнуться на зов правительства» [4, л. 8, 9об., 10об., 11].

Не добившись успеха в 60–70-х гг. XIX в., власти предпринимают очередную попытку расползчь костёл в начале XX века. Осуществить задуманное предполагалось путём введения в дополнительное римско-католическое богослужение белорусского языка. В марте 1905 г. виленский генерал-губернатор А. Фрезе обратился к министру внутренних дел с предложением о введении в дополнительное католическое богослужение белорусского языка. Но никакой реакции со стороны министра в ответ не последовало [19, с. 64]. К этому вопросу власти вернулись после указа 17 апреля 1905 г., когда в крае начался переход части населения в католичество. Здесь главным было стремление подорвать позиции польского языка в костёле и предотвратить переход части населения из православия в католичество. К тому же в разгар революции 1905–1907 гг. белорусский язык оказался более желательным для властей, чем польский. В борьбе против полонизации администрация

была готова временно поддержать «самосознание непольских народностей Западного края» [7, с. 41].

22 июня 1905 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий обращался к губернаторам Северо-Западного края с предписанием сообщить информацию о возможности введения в римско-католическое богослужение «местных наречий». Требовалось также выяснить, «в каких именно приходах губернии применение сей меры признавалось бы целесообразным», а также «насколько означенная мера совпадает с желанием самого населения» [8, л. 1–10б.].

В своих сообщениях в министерство внутренних дел губернаторы докладывали о целесообразности введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение с целью отделения католицизма от полонизма [12, л. 8–8об.]. Но, по их мнению, «в случае сопротивления данному мероприятию» со стороны римско-католического духовенства и верующих «...вряд ли эта мера приведёт к каким-либо результатам, так как прививать польские идеи можно на каком угодно наречии...» [15, л. 23–23об.].

Таким образом, очередная попытка введения белорусского языка в римско-католическое богослужение потерпела неудачу. Ни светские, ни церковные власти не пошли на решительные действия в этом направлении: «...одни видели в нём (введении белорусского языка в костёл – В.Т.) средство для борьбы с польским влиянием, другие – ненужность и даже опасность...» [1, с. 99]. Власти пришли к выводу, что пропаганда польского влияния может вестись на каком угодно языке, а перевод службы на местный язык, с их точки зрения, только способствовал бы распространению влияния римско-католицизма. В связи с этим вопрос о введении местного наречия в римско-католическое богослужение был отложен.

В конце XIX – начале XX в. среди римско-католического духовенства белорусских земель были распространены пропольские настроения, подкреплявшиеся исторической памятью о былом величии костёла в Речи Посполитой. Свои убеждения в том, что белорусские земли должны находиться в орбите польского влияния, ксендзы стремились распространять среди их населения, исповедовавшего римско-католицизм, что вызывало активное противодействие со стороны властей Российской империи, апеллировавших к идее единства древнерусских земель, в том числе и на религиозной основе – православии.

Литература:

1. Владимиров, А. П. История расползчения Западно-русского костёла / А. П. Владимиров. – Москва : Унив. тип., 1896. – 168 с.
2. Ганчар, А. І. Тайная польская школа і рымска-католіцкі касцёл ў Беларусі (1864–1905 гг.) / А. І. Ганчар // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуман. навук. – 2006. – № 1. – С. 65–73.
3. ГАРФ. – Фонд 102. – Оп. 233. – Д. 2552. О тайном обучении детей польской грамоте 1905 г.
4. ГАРФ. – Фонд 543. – Оп. 1. – Д. 467. Всеподданнейшая записка почётного опекуна, шталмейстера князя Друцкого-Любецкого о реформах, необходимых в Северо-Западном крае 1897 г.
5. ГАРФ. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 1327. Письма обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к императору Александру III и к императору Николаю II 1882–1902 гг.
6. Грыгор'ева, В. В. Католіцкая царква на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / В. В. Грыгор'ева // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Усебеларуская канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г.: у 2 ч. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – Ч. 1: Гісторыя Беларусі. – С. 113–119.
7. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) / В. С. Дякин // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 38–53.
8. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг.
9. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1053. Дело о насильственном закрытии толпою католиков Роготнянской православной церкви 1905–1908 гг.
10. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1080. Рапорты исправников о самовольном открытии тайных польских школ католическим духовенством 1906 г.
11. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1081. Дело по ходатайству римско-католического духовенства о разрешении употреблять польский язык в официальной переписке римско-католического духовенства 1906–1911 гг.

12. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 46935. Дело об отмене распоряжений, стесняющих употребление местных языков в Западном крае 1905 г.
13. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 6611. Сведения о ходе исполнения служб в костёлах Минской губернии за 1897 г. 1898 г.
14. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7396. Дело о строительстве костёла в местечке Давыд-Городке 1904–1905 гг.
15. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7597. Дело о введении в костёлах губернии дополнительного исполнения служб на белорусском и польском языках 1905 г.
16. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5981. Ведомости о совершении дополнительного богослужения в костёлах Минской губернии на русском языке 1900 г.
17. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
18. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – изд. 1896 г. // Свод Законов Российской империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн. и позднейшими узаконениями: в 5 кн. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», б. г. – Кн. 3. Т. VIII. Ч. II – Т. XI. Ч. I / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.-П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. – С. 1–157.
19. Смалянчук, А. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 53–67.
20. Смалянчук, А. Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А. Ф. Смалянчук. – Гродна : Ратуша, 2000. – 204 с.
21. Токць, С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. Токць. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 191 с.